

О ГРАММАТИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ ТЕКСТОВ
РУССКИХ ЭПИГРАММ

ON GRAMMATICAL PECULIARITY OF RUSSIAN EPIGRAM TEXT

ТАТЬЯНА ВОЛЫНЕЦ

ABSTRACT. In the article some peculiarities of grammatical realization of Russian epigram texts (mainly nominal architecture of speech, demand for elliptical and comparative patterns, evaluation characterizing predicates, updating of secondary functions of grammatical forms) will be discussed.

Татьяна Волынец, Белгосуниверситет, Минск – Беларусь.

Эпиграмма – это испытанный в веках вид словесной дуэли, та изящная и неотразимая форма расчёта с противником, которая вряд ли когда-нибудь исчезнет из литературы.

Л. Ершов

Эпиграмма как разновидность поэтического жанра малой формы отличается:

- минимальным объемом (краткостью), что позволяет рассматривать эпиграмму в ряду произведений, относящихся к литературе жестких формальных ограничений;
- концентрацией содержания, предполагающей афористичность и оригинальность мысли, интертекстуальность;
- контрастностью экспозиции и заключительной части (остроты);
- высокой степенью оценочности и характеристики;
- конкретностью, обусловленной персонифицированностью и отражением в содержании определенной ситуации.

Данные свойства эпиграммы непосредственно отражаются на отборе и комбинации языковых средств как на лексическом, так и на грамматическом уровнях.

По нашим наблюдениям¹, в формировании структурно-семантического пространства текста эпиграммы особую роль играют именные части речи: су-

¹ В качестве материала исследования были использованы сатирические эпиграммы-портреты известных и неизвестных писателей XIX–XX вв. из книг: *Русская эпиграмма*, Москва 1990; *Эпиграмма*, Москва 2005, а также эпиграммы А. Архангельского, В. Гафта и П. Александровича.

ществительные, прилагательные, местоимения. Первые выступают как информативно-номинативные и оценочно-характеризующие единицы. Оформленные на синтаксическом уровне как односоставные номинативные предложения или части составных именных сказуемых, включенные в однородные ряды приложений, имена существительные нередко являются основными строевыми элементами текста эпиграммы. – *Романтики оплот, / Биологизма бард, / Почётный рыбовод / И птичник – Эдуард* (А. Архангельский, *Эпиграмма на Э. Багрицкого*); *Кино. Театр. Антреприза. / Успех. Анилаг! Всё это – он! / И пусть продлится без сюрпризов / Его „Осенний марафон“* (Ю. Шанин, *Олегу Басилашвили*); *Корнейчук и Ванда – / Не семья, а банда* (Э. Казакевич, *Александр Корнейчуку и Ванде Василевской*).

Довольно часто в эпиграмме подвергаются переосмыслению и используются как элемент языковой игры имена собственные. – *Длина Железного потока – от Минска до Владивостока* (А. Архангельский, *А. Серафимович*); *Его полотна велики / И широки его мазки. / Пожалуй, для таких мазков / не хватит тысячи Брусков* (А. Архангельский, *Ф. Панферов*); *Ваш друг читатель лоб нахмурит / И брови сумрачно насушит; / Не думал он, что после Бури / Такая Оттепель наступит* (М. Пустынин, *Илье Эренбургу*). При подобном употреблении названий произведений (*Железный поток* А. Серафимовича, *Бруски* Ф. Панферова, *Буря* и *Оттепель* И. Эренбурга) возникает эффект смысловой и грамматической двусторочатости: данные единицы апеллируют к обобщенным наименованиям однородных предметов и явлений материального мира и как бы возвращаются в класс нарицательных имен, но в то же время, сохраняя графическое оформление, характерное для имен собственных, они сигнализируют и о своей вторичной функции – функции индивидуального наименования.

Столкновение в структурно-семантическом пространстве одного текста имени собственного с омонимичным ему словом приводит к языковой игре и порождает каламбурные смыслы: *Весёлому я от души / Скажу: – Хороший ты писатель, / Но всё ж ты книги так пиши, / Чтоб был весёлым и читатель* (А. Архангельский, *Артему Веселому*); *Не вызовет больших вопросов / Пример преемственности той, / Ведь если автор пьесы Розов, / то розов и его герой* (А. Хорт, *Виктору Розову*). А использование одного и того же имени собственного, соотносящегося с разными субъектами, ориентирует читателя на затекстовую информацию, обеспечивает контрастность содержания и порождает ассоциативные смыслы: *О город крови и туманов! / Идей великих и могил! / Тебя вознёс один Романов, / Другой Романов – погубил* (Е. Долматовский, *Геorgию Романову, первому секретарю Ленинградского обкома КПСС*); *Дитя двадцатого столетья, / Он дух столетья уловил: / Он сам Державина заметил / И сам его благословил!* (В. Костантинов, Б. Рацер, *Александру Ширвиндту*). В последней эпиграмме речь идет о советском артисте Михаиле Державине, с которым А. Ширвиндт работал в одном театре и часто выступал вместе на эстраде. Однако авторы обыгрывают случайное совпа-

дение фамилий артиста Московского театра Сатиры М. Державина и русского поэта XVIII века Г.Р. Державина и строят текст эпиграммы на трансформации пушкинской строки *Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...* Обыгрываются имена собственные субъектов эпиграммы и путем контаминации: автор иногда представляет своего героя под новым именем, которое появляется в результате объединения имени субъекта эпиграммы с именем непосредственно или опосредованно связанной с ним личности: *О эрос марксовый! Летай / Над Мариэттой Коллонтай* (А. Безыменский, *Мариэтте Шагинян, автору романа об А. Коллонтай*). Трансформация имени субъекта-адресата эпиграммы наблюдается и при замене одного из узуальных компонентов окказиональным, образованным от прилагательного, с прозрачной внутренней формой, выпукло представляющей основную, главную характеристику субъекта: *Ты сгустки крови у креста / Слизал с земли, как жирный боров, Ты только хрюкнул на Христа, Ефим Лакеевич Придворов* (С. Есенин, *Демьяну Бедному*).

Значимость имен собственных для текстов эпиграмм проявляется также в том, что имена и фамилии, вынесенные в заголовок в именительном или в дательном (что встречается чаще) падеже, часто являются единственным средством персонификации адресата – *Талантливости примет – / нет* (А. Безыменский, *В. Лидин*); *Что толст он – это не беда. Беда, что тонок не всегда* (А. Раскин, *Конферансье Михаилу Гаркави*); *Игра талантлива вполне, / Да жаль, что на одной струне* (А. Иванов, *Белле Ахмадулиной, автору книг „Струна” и „Уроки музыки”*).

Имена прилагательные, так же, как и имена существительные, оказываются востребованными при выражении авторских характеристик и оценок. Атрибутивный и предикативный потенциал всего спектра морфологических форм в основном качественных имен прилагательных широко используют авторы эпиграмм для коммуникативного подчеркивания особо значимых характеристик субъекта-адресата – *Быстрый шаг и взор горящий... / Юбилей – почёт и честь! / Ленч – писатель настоящий, / У него и книжки есть...* (А. Раскин, *Леониду Ленчу*); *Сюжет хорош, язык остёр / Размах широк, и всё – в „Костёр”?* (А. Рейжевский, *К. Федину*); *Поэтичен. / Динамичен. / Голосист. / Телегичен. / Энергичен. / Современен. Вездесущ / И неприменен!* (Г. Соловьев, *Роберту Рождественскому*). Когда не хватает узуальных лексем для выражения авторской оценки, легко создаются окказиональные: *Красноустый жёлтокофтский фразовержец Маяковский* (А. Крученых); *Всеизвестен, многогранен, / Заспектаклен, заэкранен, / И весом, и многосвяжен, / И при сём – / Однообразен* (С. Смирнов, *Константину Симонову*).

Довольно часто формы имен прилагательных вместе с производными от них существительными выступают как основное смыслоформирующее средство текста эпиграммы. – *Тут много крепкой простоты / И тонкостей живого слова. / Но тонкости / Хотя толсты, / Да, право, не толстей Толстого* (А. Безыменский, *А. Фадеев*). Иногда атрибутивные формы являются основ-

ным языковым средством, обеспечивающим контраст композиционных частей текста эпиграммы (экспозиции и заключительной „остроты”). – *Тихий, маленький и кроткий, / Но удар его короткий / Сокрушает подбородки / В плане острой проработки* (А. Раскин, Эмилю Короткому); *У Инбер – детское сопрано, / Уютный жест. / Но эта хрупкая Диана / И тигра съест* (А. Архангельский, В. Инбер). Формирование смыслового контраста в тексте эпиграммы, как правило, идет на уровне либо однородного ряда, либо сложносочиненного предложения с противительными отношениями, благодаря которым автор может выразить широкий спектр оценочных значений в направлении „мнимое – действительное”, „хорошее – плохое”, „не нужное (есть) – нужное (нет)” – *Почему-то у толстых журналов, / Как у толстых девиц средних лет, / Слов и рыхлого мяса немало, / Но совсем темперамента нет* (С. Черный). Широко в текстах эпиграмм используются и сопоставительные конструкции с двойным союзом *чем... , тем*, параллельными предикатами-компаративами и смысловыми отношениями, нацеленными на сравнение, сходство, сопоставление, соизмеримость, пропорциональное соответствие² описываемых явлений, объектов или субъектов. – *Я на мир взираю из-под столиков: Век двадцатый, век необычайный! Чем столетье интересней для историка, Тем оно для современника печальней* (Н. Глазков); *Одно лицо ей ангел дал, / Другое дал ей Мефистофель: / Чем добродушнее овал, / Тем злонамереннее профиль* (Дон Аминадо).

Местоимения (равно как и имена существительные) важны при актуализации адресата: при непосредственном обращении к герою стержнем эпиграммы являются лексемы *вы* или *ты*, а при отстраненно-описательном характере текста содержание его обычно группируется вокруг местоимения *он*, персонифицированного именем собственным на уровне заголовка и семантизированного оценочно-характеризующими предикатами. – *Напрасно молоком лечиться ты желаешь, / Поверь, лечение нелегко. / Покуда ты себе питье готовишь, / От взгляда твоего прокиснет молоко* (А. Апухтин, С.Я. Веригиной); *Он, несмотря на бороду и годы, / Чистейшее дитя... охотничьей породы* (А. Архангельский, Михаилу Пришвину); *Он меж холопами считался мудрецом / За то, что мысль давить была его отрада; / Он был фельдфебелем под царственным венцом / И балетмейстером военного парада* (Н. Лесков, Всеобщий благодетель).

Лишенные номинативного содержания, местоимения относятся к языковым средствам с ограниченным художественно-изобразительным потенциалом. Однако авторы эпиграмм в условиях малого текстового пространства включают в процесс семантического расширения и местоименные слова, выдвигая на первый план и обыгрывая их способность в зависимости от ситуации выражать противоположные смыслы. – *По жанру критике сродни, / Он*

² См.: Г.А. Золотова, Н.К. Онепенко, М.Ю. Сидорова, *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва 1998, с. 368.

был не чужд драматургии: / *Всю жизнь хвалил стихи **одни**, / *Всю жизнь любил стихи **другие*** (А. Раскин, *Сложная натура*); *Хоть сами не те мы, / Но те у нас темы* (А. Твардовский, *Признание*).*

Именной строй речи эпиграмм поддерживается также широким использованием сравнительных и эллиптических конструкций (с предметным и обстоятельственным компонентом), односоставных предложений, именительного темы и развернутых номинаций-обращений. – *В России две напасти: / внизу – власть тьмы, А наверху – тьма власти* (В. Гиляровский, *На премьеру пьесы Л.Н. Толстого „Власть тьмы“*); *В портрете – манера крутая, / Не стиль, а сплошной гоголь-моголь: / Посмотришь анфас – В. Катаев, / А в профиль посмотришь – Н. Гоголь* (А. Архангельский, *В. Катаев*). Структурно неполные конструкции с незамещенной синтаксической позицией, с одной стороны, обеспечивают компрессию текста, а с другой – придают ему динамичность и легкость. Что же касается номинаций-обращений, то в небольшом тексте эпиграммы они занимают обычно сильную позицию начала текста, с их помощью эксплицируется и характеризуется субъект-адресат эпиграммы: *Мой добрый Гафт! Мой нервный гений! / Спаси тебя Господь от тех, / Кто провоцировал успех / Твоих незрелых сочинений* (Р. Быков, *Валентину Гафту*); *Рождественский, поэт московский, / Ответь за совесть, не за страх: / Не обитал ли Маяковский / На тех же самых островах?!* (А. Иванов, А. Рейжевский, *Роберту Рождественскому [к выходу сборника стихов „Обитаемые острова“]*).

В создании образа субъекта-адресата эпиграммы участвуют и сравнительные конструкции (сравнительные обороты и сравнительные придаточные предложения), формируемые в основном именами существительными и прилагательными. – *Как снег вершин, / Как фунт конфет, / Исчезнул Фет / И стал Шенин* (И.С. Тургенев, *На А.А. Фета*); *У Эренбурга скромный вид, / Ему несвойственна шумиха. / Фундаментален, как слониха, / И, как крольчиха, плодовит* (А. Архангельский, *И. Эренбург*); *Как машина Зингер, ловко строчит Инбер* (А. Крученых); *Как не сдержать ревущего бизона – / Так не сдержать поющего Кобзона!* (А. Иванов, А. Рейжевский, *Иосифу Кобзону*); *Не так устойчив мост Кузнецкий, / Как в юмористике Жванецкий* (Г. Стернин, *М. Жванецкому*).

Глагольные формы органично вписываются в тексты фабульных эпиграмм, где с их помощью выстраивается сюжетная линия, однако в текстах портретных эпиграмм глагол появляется редко и, как правило, в тех случаях, когда автору необходимо:

– обозначить позицию автора или его присутствие в тексте (*я люблю/не люблю, я знаю, скажу, пишу, я правду-истину открою, признаюсь, вижу...*): *Передача его без обмана, Но **попробую** вас **удивить**: / Ведь важна в ней не столько реклама, / Сколько способ её объявить* (И. Алексеев, *Леониду Якубовичу*); *Я **не люблю** сравнений броских, / Но у тебя – какая жалость! – / Не голова, а дом Облонских, / Где всё, буквально всё смешалось* (В. Вишневский, *Критику Икс*);

– обратиться к субъекту-адресату или к обобщенно мыслимому адресату эпиграммы: *Куклин, ты пишеешь эпиграммы?! / Небезопасные труды: / Получишь одобренья граммы, / А удобрения – пуды* (Е. Долматовский, *Льву Куклину*); *Когда лежишь больной в постели, / ты не грусти, ты улыбайся, / Поскольку свет в конце тоннеля / Вне компетенции Чубайса* (А. Арканов, *Из сарказмов*);

– привлечь внимание читателя, установить с ним контакт: *Россия, слышишь странный зуд? Три Михалкова по тебе ползут* (В. Гафт, *Трем Михалковым*); *Труд депутатов достоин почтения. / Вдумайтесь в эту простейшую фразу: „Принят закон после третьего чтения“. / Даже до Думы доходит не сразу!* (Г. Фрумкер, *Депутатам Думы*);

– дать характеристику герою эпиграммы, представить его деятельностную сущность, сосредоточить внимание на проявлении его внутренних качеств и свойств, оценить его привычки, поступки, симпатии и антипатии: *Он, без сомненья, не привык / С людскою глупостью мириться, / И так остёр его язык, / Что им, пожалуй, можно бриться* (И. Алексеев, *Михаилу Задорнову*); *Вот уж кто с песней по жизни шагает, / Вот уж кому (говоря антр ну) / Песня и строить, и жить помогает, / И прокормит двух детей и жену!* (В. Константинов, Б. Рацер, *Михаилу Боярскому*). В данном случае глагольные формы конкурируют с формами имен прилагательных и выполняют оценочно-квалифицирующую функцию.

Функциональная специализация глагольных форм в текстах портретных эпиграмм обуславливает востребованность инфинитивов и предикативных форм. Гибридность семантики инфинитива (с одной стороны, тяга к классу имен существительных, с другой – вхождение в ряд глагольных словоформ) позволяет представить действие или ряд конкретных сменяющих друг друга действий как компактную характеристику субъекта в определенной ситуации: *Для новой рифмы / Готовы тиф мы / В стихах воспеть, / И с ним возиться, / И заразиться, / И умереть* (В. Князев, *Признание модерниста*).

Предикативные формы тоже активно используются в создании портретных характеристик и выражении авторских оценок. В автоэпиграммах оценочно-характеризующие функции берут на себя формы 1-го лица ед. ч.: *Свой путь земной, мозоли натирая, / Я прохожу, голодный и нагой, / Так безгреховно, что ворота рая / – Привет, ребята! – отворю ногой* (М. Векслер, *Автоэпиграмма*); *Я ни в чем на свете не нуждаюсь, / Не хочу ни почестей, ни славы; / Я своим покоем наслаждаюсь – / нежным, как в раю после облавы* (И. Губерман, *Гарики*). При обращении автора к субъекту-адресату эпиграммы на „ты” или „вы” портретная характеристика создается с помощью форм 2-го лица ед.ч./мн.ч. – *Твой муж – поэт, других не хуже, / И ты отлично ценишь стих, / Хоть не читаешь строки мужа, / Зато всегда считаешь их* (Р. Гамзатов, *Жене одного поэта*). Когда же основным смысловым звеном текста эпиграммы является третье лицо (нередко эксплицитно не выраженное), в лепке его образа непосредственное участие принимают формы 3-го

лица единственного числа настоящего времени или формы прошедшего времени: – *Не слышит, но не сдаётся. / Не пишет, но издаётся* (Неизвестный автор, Н. Асееву); *Рыночным сперва учил нас азам – / А потом и ваучер показал!* (Б. Кежун, Анатолию Чубайсу); *Он уважает Ренессанс / И обожает декаданс, / В стихах стоит за ассонанс, / В эстрадных песнях – за романс, / Но ассонансу и романсу, / А вместе с ним и Ренессансу / Предпочитает он аванс!* (С. Васильев, Знаток). Иногда в одном контексте автор объединяет все временные формы глагола, чтобы усилить качественные и количественные параметры основной характеристики субъекта, продемонстрировать ее неизбежность и постоянство: *Он пел, поёт и будет петь / От Яузы и до Гудзона. / И в джунглях на глухой тропе – / Следы великого Кобзона* (Т. Лебединская, Иосифу Кобзону). Противопоставление глагольных форм с противоположными видовыми характеристиками обеспечивает контрастность ситуаций и также „работает” как средство выражения авторских оценок и характеристик: *В нём говорит сама природа. / В года лихие жил и выжил. / Он вышел прямо из народа. / И шёл бы он!... Откуда вышел* (Г. Фрумкер, Василию Шандыбину). Семантически и структурно значимо для текстов эпиграмм и противопоставление форм глаголов *быть* (был) и *стать* (стал) или наречий *нынче* – *раньше* – *теперь* при формах прошедшего и настоящего времени одного и того же глагола: введение их в текст в заключительной части эпиграммы актуализирует динамичность признака, его изменчивость во времени: *Назвав дневник классическим романом, „Факира” он возвёл на пьедестал... / Ах, Всеволод! Ты фокусником стал, / А был когда-то красным партизаном* (С. Швецов, Всеволоду Иванову); *Нынче безнадёжно устарели / Жёсткие суконные пелёнки: Раньше выходили из „Шинели”, / А теперь выходят из дублёнки* (А. Пьянов, Литпрогресс).

При непосредственном обращении к субъекту эпиграммы, который нередко мыслится обобщенно, структурно-семантический каркас эпиграммы создается с помощью форм повелительного наклонения. В этом случае, как правило, эпиграмма имеет вид сложноподчиненного предложения с условными отношениями между частями. Придаточная часть данного предложения обычно содержит оценочный именной предикат-квалификатор и занимает первую позицию по отношению к главной с предикатом-глаголом в форме повелительного наклонения. – *Когда ты истинный поэт, / твори без фанаберий, / Не издавай свой юный бред / И не пиши мистерий* (А. Амфитеатров). Корреляция предикатов создает отношения взаимообусловленности между частями и формирует необходимое автору семантическое наполнение эпиграммы: с помощью глагольных лексем выстраивается своеобразный „моральный кодекс” истинного поэта.

Особую роль в эпиграмме играют вопросительные конструкции. Нередко композиционно текст эпиграммы строится по модели: **от вопроса к ответу**. В этом случае вопросительная конструкция оказывается основным смысловым центром экспозиции, фактически определяющим характер заключитель-

ной фразы. И чем контрастнее по содержанию вопрос и ответ на него, тем сильнее эффект воздействия на читателя: – *Вы думаете, здесь живет Брик, / Исследователь языка? / Здесь живёт штик / И следователь из ЧК* (Неизвестный автор, *Надпись мелом на дверях квартиры О.М. Брика*); *Это кто, угадай-ка? / Заика-зазнайка* (А. Барто, *Сергею Михалкову*); *Скажи, сатирик, грустный отчего ты? / – Перечитал свои остроты...* (Б. Кежун, *Владимиру Полякову*); *Кто может с Буниным сравниться / По стилю и по языку? Сам Юрий Казаков дивится / Способному ученику* (А. Рейжевский, *Юрию Казакову*).

Специфика использования вопросительных конструкций в тексте эпиграмм часто заключается в том, что автор, формулируя вопрос, в принципе не ожидает на него ответа. Ему важно обозначить проблему, привлечь к ней внимание, выразить свое отношение к ней не прямо, а опосредованно. Так, например, структурная организация текста эпиграммы *Каин, где Авель? / Никулин, где Бabelь?!* (Э. Казакевич, *Льву Никулину*) в виде риторического вопроса и зеркально отраженной вопросительно-восклицательной конструкции позволяет автору создать широкий ассоциативный фон и апеллировать к за-текстовой информации: смысл данной эпиграммы адекватно будет воспринят читателем только в том случае, если читателю будет известно, что И. Бabelь был арестован по доносу писателя Л.Н. Никулина. Эпиграмма Г. Пятова, адресованная Юлиану Семенову, автору широко известных романов о советском разведчике Максиме Максимовиче Исаеве, структурно тоже организуется как вопрос, в котором через четко проведенную литературную параллель дается краткая по форме, но весьма развернутая по содержанию характеристика субъекта-адресата: *Неужели Лермонтов, если б не почил, О Максим Максимыче столько настроил?*

Введение вопросительной конструкции в заключительную часть эпиграммы тоже, как правило, не предполагает продолжения диалога, но оставляет открытой тему и заостряет контрастность характеристик: *Жена моя шьёт и готовит, / А надо – спасёт из огня, / Коня на скаку остановит. / Но кто остановит меня?* (Ю. Китаевич).

Иногда весь текст эпиграммы представляет собой вопросительно-восклицательную конструкцию, в которой субъект характеризуется на уровне глагольных предикатов, а ответ на вопрос содержится в заголовке: *Чьи песни вовсе не поются, / Но регулярно издаются?!* (Е. Долматовский, *Льву Кондыреву*).

Итак, „поэтическая грамматика” текстов эпиграмм многогранна и функциональна: она отличается точным смысловым созвучием содержания и формы, что предполагает абсолютную зависимость выбора грамматических средств от специфики жанра. Весь арсенал грамматических единиц (от формы до синтаксической конструкции) полностью подчинен требованиям жанра и обеспечивает такие его характеристики, как краткость, персонифицированность, оценочность, интерпретационность, концентрация содержания и смысловая ассоциативность.